

Василий Шуйский

ЦАРЬ
МОСКОВСКИЙ
В СМУТНОЕ
ВРЕМЯ

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

Русская история

Руслан Скрынников

**Василий Шуйский. Царь
Московский в Смутное время**

«Алисторус»

2002

УДК 94(47).045
ББК 63.3(2)44

Скрынников Р. Г.

Василий Шуйский. Царь Московский в Смутное время /
Р. Г. Скрынников — «Алисторус», 2002 — (Русская история)

ISBN 978-5-00269-527-0

Внук первого казненного Иваном Грозным боярина, представитель аристократической фамилии, Василий Шуйский (1552-1612) попал в тюрьму при правителе Борисе Годунове. Палач занес топор над его головой при Лжедмитрии Г. Едва избежав гибели, князь Василий возглавил переворот. Корону на голове Шуйский смог удержать всего лишь четыре года. На время правления царя Василия приходится один из самых трагических периодов Смутного времени. Верно ли, что последний Рюрикович на московском троне был узурпатором и мелким честолюбцем, виновником окончательного разорения Московского государства? Почему самозванцы при их полном ничтожестве громили государевы рати раз за разом? Почему самодержцу не удалось остановить братоубийственную войну? Какие последствия имело смягчение режима самодержавной власти при Шуйском? Ответы на эти вопросы дает в своей увлекательной книге — первой биографии царя Василия Шуйского — известный историк, ученый с мировым именем, профессор Санкт-Петербургского университета Р. Г. Скрынников (1931 -2009).

УДК 94(47).045
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-00269-527-0

© Скрынников Р. Г., 2002

© Алисторус, 2002

Содержание

Введение	7
Генеалогическое древо	8
Ведомые мятежники	10
Гибель отца	13
Начало карьеры	17
Мятеж	20
В боярском чине	22
Царская опала	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Руслан Григорьевич Скрынников
Василий Шуйский
Царь Московский в Смутное время

© Скрынников Р. Г., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

В начале XVII в. Россия пережила Смуту, первую в своей истории гражданскую войну. Опричнина Грозного положила начало расколу дворянского сословия. Разорение дворян приобрело в период Смуты катастрофические размеры. Бедствие было довершено гражданской войной.

Толчком к ней послужило вторжение самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, младшего сына Грозного.

В России возникли исторические условия, сообщившие самозванческой интриге страшную разрушительную силу.

Смута выдвинула целую плеяду деятелей, таких как Борис Годунов и три Лжедмитрия, Василий Шуйский, Филарет Романов, Михаил Скопин-Шуйский и патриарх Гермоген. Их жизнь и деятельность давно привлекали внимание историков. И лишь биография царя Василия Шуйского остается до сих пор не написанной. В ней слишком много пробелов, незаполненных страниц.

Внук первого казненного Грозным боярина, представитель аристократической фамилии, имевшей общих с династией предков, Василий Шуйский попал в тюрьму при правителе Борисе Годунове. Палач занес топор над его головой при Лжедмитрии I. Однако аристократия играла особую роль в жизни русского общества. Едва избежав гибели, князь Василий возглавил переворот. Корону на голове Шуйский смог удержать всего лишь четыре года. На время правления царя Василия приходится один из самых трагических периодов гражданской войны в России.

Верно ли, что последний Рюрикович на московском троне был узурпатором и мелким честолюбцем, виновником окончательного разорения Московского государства? Почему самозванцы при их полном ничтожестве громили государевы рати раз за разом? Почему самодержцу не удалось остановить братоубийственную войну? Какие последствия имело смягчение режима самодержавной власти при Шуйском?

Попробуем ответить на эти вопросы, строго придерживаясь фактов.

Генеалогическое древо

Москва подчинила Нижегородское великое княжество в 1392 г. Но прошло немало времени, прежде чем суздальско-нижегородские князья окончательно признали свою зависимость от московского князя. Среди тех, кто первым добровольно перешел на московскую службу, был князь Семен Горбатый-Суздальский. Василий II Темный пожаловал ему «в вотчину и в удел» Городец и крупные суздальские села, принадлежавшие его отцу. Горбатый выдал князю ханские ярлыки и отказался от самостоятельных сношений с Золотой Ордой. При Иване III последним князем независимого Новгорода Великого был князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский. Вече пригласило его для обороны от натиска Москвы. Воевода не спас новгородцев, а после того, как они изъявили покорность Ивану III, сам отъехал на службу к нему.

Со временем суздальские князья утратили удельно-княжеские права, но сохранили обширные родовые вотчины.

Могущество Шуйских определялось не только тем, что они поддерживали прочные связи с местным боярством, но и их родством с правящей династией. Ближайшими соседями Суздальского княжества были Ростовское, Ярославское и Стародубское княжества. В столицах всех этих княжеств сидели потомки владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, от которого вели род также и члены династии Калиты. Шуйские никогда не забывали того, что их родоначальник – князь Андрей Ярославич долгое время княжил во Владимире, тогда как его старший брат Александр Невский занимал княжеский стол в Новгороде Великом. Родословия Шуйских XVI в. начинались с указания на то, что князь Андрей, брат меньшей Александра Невского, «был на великом княжении Володимирском».

В XVI в. бояре Шуйские-Суздальские заняли весьма высокое положение в московской Боярской думе. Смертельно занемогший Василий III для утверждения завещания пригласил в качестве душеприказчиков своего младшего брата – удельного князя Андрея Старицкого, трех влиятельных бояр – князя Василия Шуйского, Михаила Юрьева-Захарьина и Михаила Воронцова и некоторых других советников. В ходе дальнейших совещаний Василий Шуйский добился того, что в опекунский совет при малолетнем Иване IV вошел его родной брат, боярин Иван Шуйский.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. Для последнего прощания он пригласил к себе князей Дмитрия Вельского с братьями, князей Шуйских с Горбатыми и «всех бояр». Умиравший заклинал думцев: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда».

Опекать малолетнего Ивана IV должна была особая «сечьмочисленная» комиссия, в которую входили брат Василия III, князь Андрей Старицкий, и шесть бояр. В 1533 г. в составе думы было примерно 11–12 бояр. Половина из них вошла в регентский совет. Назначение двух братьев Шуйских регентами определялось тем, что знатнейшие бояре (Василий и Иван Шуйские, двое Горбатов, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляли в думе коренную суздальскую знать.

После почти 30 лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть.

Современники недаром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками – «сам-третьей у постели», – без совета с Боярской думой. Как видно, великий князь рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Разделение Боярской думы на части и противопоставление регентов прочим членам думы должны были ограничить ее влияние на дела управления. Со временем семибоярщина выродилась в орган боярской олигархии.

Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение 12 лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

Боярская дума не пожелала делить власть с опекунским советом. Двое опекунов, на которых государь возлагал особые надежды, – сначала князь Михаил Глинский, а потом князь Андрей Старицкий, – были арестованы и уморены в тюрьме.

В 1538 г. умерла вдова Василия III Елена Глинская.

Спустя полгода после смерти правительницы опекуны Василий и Иван Шуйские захватили члена опекунского совета дьяка Федора Мишурина и предали его казни. Вскоре они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой.

Их противники были отправлены в тюрьму, митрополит Даниил низложен. Расправившись со своими врагами, Василий Шуйский присвоил себе стародавний титул боярина «наместника на Москве».

С гибелью брата Василия III, князя Андрея Старицкого, старшим среди опекунов стал Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь в соответствии со своим новым положением.

Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких.

Расправа с удельным князем и присвоение его имущества навсегда сделали Шуйских врагами наследника удела князя Владимира.

Достигнув зрелого возраста, Иван Грозный не раз с горечью вспоминал свое детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему – заброшенному сироте – боярами Шуйскими.

Царь Иван кривил душой и допускал большое преувеличение, уверяя, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно приблизились к его особе и «так воцаришася». Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя Василия III. Вообще же они появлялись на авансцене при всяком глубоком политическом кризисе. Пророческие слова Грозного о воцарении Шуйских сбылись лишь много лет спустя.

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Его младший брат Иван не обладал ни авторитетом, ни опытностью старшего. В конце концов он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору.

Противники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с полками. Однако в результате переворота в 1542 г. опекун вернул себе власть.

Когда князь Иван, последний из душеприказчиков Василия III, умер, во главе партии Шуйских стал князь Андрей Михайлович Шуйский.

Ведомые мятежники

Дед будущего царя Василия Шуйского, князь Андрей, обладал беспокойным и неугомонным характером. Он был честолюбив и ради власти не боялся идти на самые рискованные поступки.

В браке с Соломонидой Сабуровой великий князь Василий III не имел детей. 20 лет его брат Юрий ждал кончины государя, чтобы наследовать престол. Второй брак монарха создал новую ситуацию. Но удельный князь не желал отказываться от своих планов. Исход заговора зависел от знати, и Юрий попытался заручиться поддержкой бояр. Он добился большого успеха, перезвав к себе на службу князей Андрея и Ивана Михайловичей Шуйских.

Василий III забил тревогу. Он не решился арестовать брата, но потребовал выдачи мятежных Шуйских. Они были закованы и разосланы в тюрьмы по городам. Строгость наказания объяснялась тем, что речь шла о заговоре и подготовке государственного переворота. В темнице князь Андрей пробыл пять лет. Так неудачно складывалась карьера деда царя Василия Шуйского.

Тотчас после смерти Василия III правительница Елена Глинская выслушала «печалование» думы и митрополита и велела освободить от уз Андрея Шуйского и его брата.

Если верить официальной летописи, освобожденный Андрей повел себя как сущий изменник: не медля ни дня, «злодей, мало побыв тако, паки помысли к князю Юрию отъехати, и не токмо отъехати, но и на великое княжение его поднять, а у князя сего (Юрия) на мысли не бывало, понеже бо крест целовал великому князю: как было ему изменити?».

Пристрастность летописца очевидна. Царю надо было обелить родного дядю, а всю вину за происшедшее (в особенности за грядущую казнь Андрея Шуйского) возложить на изменников-бояр.

Ближе к истине другая летописная версия, автор которой знал многие подробности происшедшего. Когда Андрей Шуйский вернулся из тюрьмы, к нему пришел дьяк Юрия Третьяк Тишков с наказом звать его в удел. Удельный князь уже принес присягу трехлетнему Ивану IV, и дьяку пришлось давать объяснения по этому поводу: «Князя Юрья бояре приводили, заперши, к целованью, а сами князю Юрию за великого князя (трехлетнего Ивана IV) правды не дали: ино то какое целование? То невольное целование» (присяга). Иначе говоря, опекуны отказались заключить с Юрием традиционный договор – «докончание».

Через Андрея претендент на трон пытался склонить на свою сторону весь влиятельный клан Шуйских-Суздальских. Андрей отправился к боярину Борису Горбатову-Суздальскому и посвятил его в план заговора. «...Князь великий еще молод, – говорил Андрей, – а се слова носятся про князя Юрья; и толко будет князь Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим».

Рискованные действия заговорщиков не встретили сочувствия среди «братии» Андрея. Выслушав Шуйского, Горбатый «не всъхоте ехати ко князю (Юрию), но ему възбраняше». Не медля, Борис отправился во дворец и подал донос. Спасая голову, и сам Андрей поспешил в думу с изветом. Горбатый якобы перезывал его на службу в удел, а Юрий дал ему знать, что «к нему хотят будто многие люди».

Заговор провалился, и власти посадили в башню сначала Андрея Шуйского, а затем князя Юрия с его боярами.

Андрей провел в тюрьме еще пять лет. Лишь после смерти Елены Глинской правитель Василий Шуйский добился освобождения Андрея из заточения.

Благодаря опекунам братья Иван Плетень и Андрей Михайловичи Шуйские получили боярские чины.

Шуйские правили государством пять лет. После смерти последнего опекуна, князя Ивана Васильевича Шуйского, к власти пришли представители старшей ветви княжеского дома – князь Андрей Михайлович Шуйский с братом.

Длительное пребывание в тюрьме давало о себе знать. Андрею не доставало политического опыта, расчетливости и осторожности. Его преследовали неудачи.

Когда юный великий князь стал оказывать милость боярину Федору Воронцову, Андрей Шуйский поспешил изгнать его из столицы. Князь и его советники «взволновашася между собою перед великим князем и митрополитом» и набросились на Федора в дворцовых хоромаш: «биша его по ланитам и платие на нем ободраша и хотеша его убить».

Вслед за тем Воронцова стащили «с великого князя сеней с великим срамом, биюще и пхаище, на площадь», после чего бросили в тюрьму. Шуйские и их пособники Головины не проявили уважения даже к митрополиту: «в кою пору от государя митрополит ходил к Шуйским, и в ту пору Фома Петров сын Головина на манатью наступал и манатью на митрополите подрал».

Члены думы имели право на боярский суд. Попытка устранения Воронцова без всякого суда вызвала недовольство у знати. Противники Андрея – новые «ласкатели» (фавориты) – опрометчиво вмешивались в дела несовершеннолетнего государя в свои распри. По приказу Ивана IV псаря убили Андрея возле дворца напротив Курятных ворот.

Убитый лежал наг в воротах два часа. Приверженцы князя Андрея князь Федор Скопин-Шуйский и Юрий Темкин-Ростовский попали в тюрьму.

Андрей Шуйский был первым боярином, убитым по приказу Ивана IV. В то время великому князю Ивану исполнилось 13 лет. «От тех мест, – записал летописец, – начали бояре от государя страх имети и послушание».

Достигнув совершеннолетия, Иван IV принял царский титул. Но этот акт мало что изменил в его взаимоотношениях с думой. Годы реформ стали для него годами ученичества. Государь всецело подчинился авторитету учителей и наставников Адашева и Сильвестра, действовавших в полном согласии с Боярской думой. Преобразования не могли быть проведены без личного участия Ивана IV и санкции со стороны руководства думы.

В пору реформ князь Суздальские не пользовались исключительной властью, но их позиции в думе были на редкость прочными.

Законные опекуны братья Шуйские сошли со сцены, уступив место крамольным Шуйским. Брат казненного князя Андрея Михаил стал главой Боярской думы. Он занял первую строку в думном списке Дворовой тетради 1552 г. (будущий царь Василий доводился Михаилу внучатым племянником). Ниже князя Ивана в списке членов думы был записан удельный князь Иван Федорович Мстиславский.

Возвышение бояр Романовых-Захарьиных, родни царицы Анастасии, и династический кризис 1553 г. осложнили карьеру Ивана Михайловича Шуйского. 22-летний государь тяжело занемог. Его кончины ждали со дня на день.

Захарьины спешили с принятием присяги младенцу – наследнику царевичу Дмитрию. Проведение церемонии присяги они поручили своим сторонникам – князю Владимиру Воротынскому и дьяку Висковатому. Церемония была омрачена с первых минут. Старший боярин думы Иван Михайлович Шуйский заявил формальный протест: «Им (боярам) не перед царем целовати крест (приносить присягу) не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет?»

Подлинный смысл протеста заключался в следующем. Руководить присягой мог либо сам государь (но он был при смерти), либо старший боярин думы (Шуйский). Вместо этого дело было поручено Воротынскому. Бояре не скрывали своего раздражения. Подойдя к кресту, князь Иван Пронский попрекнул Воротынского отцом, которого умертвили в тюрьме за измену. Правя старые летописи, Иван IV постарался изобразить князя Ивана Михайловича Шуйского старым изменником, зачинщиком «мятежа» в Боярской думе.

По случаю готовившегося похода Ивана IV на татар князь Михаил Шуйский в 1559 г. возглавил московскую «сѣдмочисленную» боярскую комиссию, которая должна была управлять царствующим градом в отсутствие монарха.

После смерти Михаила Шуйского первенство в думе перешло к удельным князьям Вельскому и Мстиславскому – аристократам литовского происхождения.

Гибель отца

В середине XVI в. Россия вела длительную и кровавую войну с Казанским ханством. С весны 1552 г. русская армия стала готовиться к решающему наступлению на Казань. Передовые силы русских войск заблаговременно сосредоточились в Свияжске. Ими командовал князь Александр Горбатый. Внезапное вторжение Крымской орды едва не расстроило планы военного командования. Крымцы появились под Тулой, в непосредственной близости от Москвы, но были разгромлены.

23 августа 1552 г. московские полки приступили к осаде Казани. Крепость служила резиденцией для хана и его знати. Она не могла вместить большой гарнизон. Орда с кибитками и табунами продолжала кочевать в окрестностях татарской столицы.

Когда осадный лагерь был построен, Горбатый разгромил Орду в битве на Арском поле. Вслед за тем русская артиллерия подвергла усиленной бомбардировке укрепления Казани. Минных дел мастера подвели под крепостные стены глубокие подкопы. Взрыв порохового заряда разрушил колодцы, питавшие город водой. 2 октября последовал общий штурм крепости. Татарская столица пала.

Под стенами Казани более всех отличился воевода князь Александр Горбатый-Суздальский. Участник взятия Казани Курбский называл его великим гетманом царской армии. Через несколько месяцев после окончания похода Сильвестр с ведома царя обратился к Горбатуму с посланием, в котором писал, что Казань взята «царским повелением, а вашим храбрством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти».

С разгромом Казанского ханства Россия прочно утвердилась в Нижнем Поволжье.

Ко времени казни боярина Андрея Шуйского его единственный сын князь Иван был молодым человеком. Его первенец княжич Василий, будущий царь, появился на свет, по одним сведениям, в 1547 г., когда Иван IV венчался на царство, по другим данным, в 1552 г.

Низкая рождаемость в роду Шуйских с давних пор спасала их «великие вотчины» от дробления и упадка. Но у князя Ивана Шуйского было пять сыновей: Василий, Андрей, Дмитрий, Александр, Иван.

Рано или поздно раздел родовых вотчин должен был подорвать могущество фамилии. Материальные дела семьи могла бы поправить успешная карьера. Но отцу князя Ивана Андрею карьера решительно не удалась, отчего сын добился первых успехов с запозданием.

В 1550 г. власти решили реформировать государев двор и выделили из его состава «тысячу лучших слуг». Члены «тысячи» должны были получить подмосковные поместья, чтобы царь мог в любой момент вызвать их в столицу и дать им важные военные, дипломатические и прочие поручения. «Тысяча» была разделена на три статьи. Князь Иван мог претендовать на самые высокие места, но его зачислили в «тысячу» как сына боярского третьей статьи с низшим окладом в 100 четвертей пашни. Это было для Шуйских большим унижением.

Суздальская знать и князья Оболенские пользовались следующей привилегией: они проходили службу по особым княжеским спискам, что давало им право на первоочередное получение думных воеводских чинов. В 1552 г. князь Иван Шуйский был записан первым среди князей Суздальских в списке государева двора, так называемой Дворовой тетради. В 1555 г. царь Иван сосватал удельному князю Ивану Бельскому дочь своего опекуна, Василия Шуйского. Брак должен был положить конец кровавой вражде двух самых аристократических фамилий.

Иван Андреевич был приглашен на пир и должен был довольствоваться скромным местом «поезжанина». Однако же в росписи свадебного «поезда» он назван первым.

Иван Андреевич дорожил фамильной честью. Летом 1557 г. государь по случаю похода на татар послал его с царской речью и царским наказом к князю Владимиру Андреевичу Старицкому и к главному воеводе Ивану Вельскому, происходившему из рода великих князей

литовских. Однако Шуйские вовсе не собирались уступать первенство литовской знати. Иван Андреевич заявил, что ему непригоже ехать к Бельскому с наказом: это приведет к «потерке» родовой чести. Грозный велел дворянину Караулову насильно отвести князя Ивана к главному воеводе Бельскому, а последнего уведомил, что наложил опалу на Шуйского.

Год спустя Иван Шуйский получил пост воеводы в захолустном городке Деделове. В 1559 г. Иван сопровождал царя как старший оруженосец (рында). Через год он числился головой (полковником) в государевом полку, а в 1562 г. участвовал в свите монарха в походе на Полоцк.

Дальнейшее продвижение по службе относится к 1564 г., когда князь Иван стал воеводой небольшой крепости Великие Луки.

В 1560 г. самодержец подверг опале своих учителей Адашева и Сильвестра. Отставка главного проводника реформ Адашева положила начало длительному кризису. Иван IV фактически отстранил от власти вождей думы.

Высшая знать стала подумывать о том, чтобы заменить Ивана на троне более сговорчивым лицом. Вдова Андрея Старицкого Ефросинья пыталась использовать недовольство бояр и посадить на престол своего сына Владимира, двоюродного брата Ивана IV. В 1563 г. самодержец велел арестовать брата и отнял у него удельное княжество. Вскоре он стал править старые летописи. Основное внимание царь уделил боярскому «мятежу» в пользу князей Старицких в 1553 г., когда он смертельно занемог. Шуйские издавна враждовали со Старицкими и не могли быть участниками заговора. Тем не менее Иван IV пополнил летопись сведениями, компрометировавшими Шуйских как участников мятежа в пользу Владимира Старицкого.

Своим острием летописные обличения царя были направлены как против Шуйских, так и против князей Ростовских, Ярославских и Стародубских. Под диктовку царя дьяки внесли в летопись сведения о том, что в 1538 г. бояре Шуйские уморили конюшего князя Ивана Овчину, отправили в ссылку боярина Михаила Тучкова, устроили заговор и совершили военный переворот в 1542 г.

Иван IV счел необходимым записать на полях летописи подробности, относившиеся к боярскому заговору 1543 г., зачинщиками которого были, помимо боярина Андрея Михайловича Шуйского, его брат Иван Михайлович и Федор Скопин-Шуйский. В списке бояр, взбунтовавших Москву в 1547 г., государь первым назвал Федора Скопина-Шуйского.

Исследователи выражали удивление по поводу обилия имен в царских приписках и вопиющих противоречий в оценке поведения одних и тех же лиц. Отмеченные противоречия находят объяснение, коль скоро удастся выяснить главную тенденцию приписок – намерение царя скомпрометировать не отдельных бояр, а Боярскую думу в целом как извечный очаг смуты и мятежа.

На пороге опричнины Иван IV составил черновик духовного завещания. В соответствии с духовной главные центры родовых наследственных земель суздальской знати должны были перейти не к старшему сыну – царевичу Ивану, наследнику трона, а к младшему царевичу – удельному князю Федору и его мачехе. А именно, Суздаль с Шуей и Ярославль должен был получить царевич Федор, а Ростов – царица Анна Колтовская.

Распоряжение самодержца должно было повлечь за собой самые серьезные последствия. Фактически речь шла об изгнании князей Суздальских-Шуйских, Ярославских и Ростовских со службы в Боярской думе и государевом дворе. Единым махом царь намеревался перевести на службу в удельные княжества всю коренную суздальскую знать, исключая князей Стародубских (землевладение последних подверглось наибольшему дроблению, что вызвало их полный упадок).

На службу в удел определяли по традиции младших сородичей великих боярских фамилий. Удельная знать становилась как бы знатью второго сорта: удельным слугам закрыт был доступ к высшим постам в царских полках и государственной думе.

Желая добиться неограниченной единоличной власти, Грозный забрал казну и в сопровождении многочисленного отряда покинул столицу. В январе 1565 г. он объявил об отречении от трона. Боярская дума принуждена была смириться и принять требования государя. Духовенство и бояре просили царя сложить с них гнев и править государством, как ему «годно».

Отвечая думе, царь заявил, что после смерти его отца бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем выходца из рода князей Varbato (Горбатов-Суздальских). И этих людей он ежедневно вынужден видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Свою гневную речь Грозный заключил словами о том, что изменники извели его жену и стремятся уничтожить его самого, но Бог воспротивился этому и раскрыл их козни.

Присутствовавшие прекрасно уразумели смысл царской речи. Старшие Шуйские давно сошли со сцены, за исключением одного – князя Александра Горбатого. Его-то и имел в виду самодержец, говоря о том, что принужден ежедневно встречаться с ним в своей думе.

Горбатый стяжал славу лучшего воеводы и покорителя Казани. Он действительно сыграл выдающуюся роль при разгроме Казанского ханства в 1552 г.

Под предлогом борьбы с заговором монарх фактически потребовал выдать ему на расправу популярного в народе воеводу Горбатого. Боярская дума не смогла защитить своего признанного вождя.

Первым актом опричнины была публичная казнь Горбатого, совершенная еще до обнародования царского указа об учреждении опричнины.

Грозный не желал ехать в Москву, пока был жив его главный «изменник». Из надписи на могильной плите Горбатов в Троице-Сергиевом монастыре следует, что Александр и его сын «преставились» 7 февраля 1565 г. Пять дней спустя государь прислал в Троицу 200 рублей на помин души князя Александра.

Опричнина призвана была покарать тех, кто мог поддержать притязания удельного князя Владимира Старицкого на царскую корону. Это обстоятельство сказалось на судьбе Шуйских, давних противников Старицких. Грозный отнял у брата Владимира его княжество и определил к нему в думу людей, которым доверял. Главой думы князя Владимира он сделал боярина князя Андрея Ногтева-Суздальского.

В первые недели опричнины в Казань были сосланы около 80 семей, принадлежавших к трем княжеским домам – Ростовскому, Ярославскому и Стародубскому. Факты не оставляют сомнений в том, что именно эта коренная суздальская знать Владимиро-Суздальской земли ограничивала власть самодержца в наибольшей мере. Задумав учредить неограниченное правление, Грозный нанес удар по суздальской знати, отняв у нее большую часть ее наследственных родовых вотчин.

Потомки Андрея Шуйского не подвергались прямым преследованиям, но при дворе о них забыли. Царь неизменно обходил их своими милостями. Ко времени опричнины князь Иван Андреевич Шуйский был уже немолод, но занимал невысокий служебный пост воеводы Великих Лук.

Из-за опричных опал много воевод выбыло с государственной службы. Командный состав армии понес большие потери. Это обстоятельство создало благоприятные возможности для тех, кто был в немилости, но избежал опалы. В марте 1565 г. Иван Шуйский был отозван из Великих Лук и получил назначение воеводы сторожевого полка, а затем полка левой руки.

В 1566 г. Грозный объявил о прощении казанских ссыльных. Настала короткая пора смягчения опричного режима. В те дни Иван Андреевич поручился за удельного князя Михаила Воротынского, которого царь вернул из ссылки.

Попытка примирения с земщиной не удалась. Члены Земского собора, созванного в Москве, потребовали от царя упразднения опричных порядков. Ответом на верноподданническое ходатайство был неслыханный террор. Грозный казнил конюшего боярина Ивана Федорова-Челяднина и многих других знатных лиц. Митрополит Филипп Колычев был низложен, а

позднее задушен. Опричники подвергли дикому разгрому Новгород Великий. Жители Новгорода были обвинены в том, что они намеревались свергнуть царя, возвести на трон удельного князя Владимира Старицкого, а сами предаться польскому королю.

Шуйские были недругами князей Старицких, и это вновь спасло их от опалы. Царь щадил их, но доверия к ним не питал. В июле 1569 г. от Ивана Шуйского, служившего на воеводстве в Смоленске, сбежал в Литву холоп.

Государь немедленно сместил Шуйского с должности и отозвал в Москву.

Опричина клонилась к закату. Ее вожди окончили жизнь на плахе. Править без земской знати Грозный не мог. Из-за казней Боярская дума стала совсем малочисленной. Следуя традиции, государь должен был вернуть Шуйских в думу.

В 1569 г. большая турецкая армия попыталась захватить Астрахань, но потерпела неудачу. Осенью следующего года Крымская орда обрушилась на южные уезды России.

Против татар выступили главные силы русской армии во главе с Вельским. Князь Иван Шуйский командовал сторожевым полком. Этот полк первым вступал в бой, и вести его поручали обычно опытным и храбрым командирам. Шуйский оправдал надежды и к маю 1571 г. уже носил боярский чин.

Внутренняя смута и казни, потрясшие Россию, подтолкнули Крым к решительным действиям. В мае 1571 г. хан Девлет-Гирей обрушился на Москву. Шуйский вновь выступил против татар как воевода земского сторожевого полка. Кампания завершилась тяжчайшим поражением. Крымцы спалили Москву.

Катастрофа не отразилась на военной карьере князя Ивана. Его полк сохранил боеспособность. Этим можно объяснить то, что после отхода Орды царь велел Шуйскому оставаться на главных оборонительных позициях в Серпухове. Иван Андреевич получил чин воеводы большого полка, и государь подчинил ему воеводу полка левой руки Ивана Петровича Шуйского. Главнокомандующий русской армии Вельский погиб при пожаре Москвы. Его полк понес огромные потери на улицах горящего города.

Воевода Шуйский не мог избавиться от тревоги. 27 января 1572 г. он пожертвовал 40 рублей на помин души казненного царем отца и матери. Но тревога оказалась напрасной. В карьере князя наступил крутой поворот.

Опричина утратила всякую привлекательность, и ей нужен был новый фасад. При учреждении опричины знать в «государеву светлость» не пускали. В момент отмены опричины ее думу возглавляли представители высшей аристократии. Весной 1572 г. Иван Андреевич Шуйский сопровождал Ивана IV в Новгород как первый боярин «из опришнины».

Иван Шуйский окончательно завоевал милость самодержца, породнившись с Малютой Скуратовым. Он женил своего сына Дмитрия на дочери временщика.

В опричнине князь Иван прослужил всего год-полтора.

В начале 1573 г. он отправился с царем Иваном в «немецкий поход», командуя передовым полком. Шуйский участвовал в осаде замка Пайды. В январе 1573 г. под стенами этой ливонской крепости погиб его сват Малюта Скуратов. Смерть любимца произвела сильное впечатление на самодержца, и он вернулся в Новгород, поручив командование хану Симеону Бекбулатовичу и Ивану Мстиславскому. В их армии Иван Шуйский получил пост воеводы правой руки. В бою у ливонского городка Коловери русская армия была разгромлена шведами, а воевода князь Иван Шуйский убит.

Начало карьеры

Пятеро сыновей боярина Ивана Шуйского остались, по понятиям того времени, сиротами. Старший из них, князь Василий, давно достиг совершеннолетия и поступил на государственную службу. Ему исполнилось не менее 22 лет, когда он получил первые почетные служебные назначения.

В 1574 г. Грозный выступил с полками на южную границу. В его свите был Василий Шуйский, «рында с большим саадаком». Так называли колчан с луком и стрелами, богато украшенный камнями и золотом. Хранитель саадака считался старшим из оруженосцев. Лук был с незапамятных времен почетным оружием царя и конных дворян.

Гибель тестя Шуйских Малюты Скуратова повлекла за собой смену руководства. После роспуска опричнины так называемый двор заменил собой опричный охранный корпус. На «дворовой» службе место Малюты занял боярин Василий Умной-Колычев. Осенью 1574 г. он сосватал Грозному свою родственницу Анну Васильчикову и так упрочил свое влияние.

Васильчиковы принадлежали к «дворовым» детям боярским, служившим по Кашире. Никто из родни новой царицы не получил боярского титула.

Пятый брак был незаконным, и потому свадьбу играли не по царскому чину. На свадьбе отсутствовали великие бояре, руководители думы. На брачный пир были приглашены немногие ближние люди. Из 35 гостей 19 принадлежали к роду Колычевых. Иван Федорович Крюк-Колычев и его жена были главными друзьями невесты Анны Васильчиковой.

Из высшей знати на пир позвали одних лишь братьев Шуйских – Василия, Андрея и Дмитрия. По обычаям того времени свадьбу праздновали в кругу родственников. Можно допустить, что Шуйские доводились родней царской невесте.

Первое послеопричное правительство, которое возглавляли Умной-Колычев и Тулупов, не смогло умиротворить страну, потрясенную террором. Его вожди были обвинены в измене и преданы жестокой казни. Лишились головы те, кто пировал на свадьбе Грозного с Васильчиковой. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них путь из-за свадебного стола на эшафот. Шуйских опала не коснулась.

Осенью 1575 г. государь объявил об отречении и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Москвичи стали свидетелями новых казней. Иванец Московский перешел в «удел» и сформировал себе новую гвардию.

С отменой опричнины многие видные опричники поспешили избавиться от поместий в опричных уездах и получили от царя поместья в Шелонской пятине Новгорода Великого. В июле 1575 г. шелонские поместья были пожалованы Василию и Андрею Шуйским. Имение было богатым. Прежде им владел родственник царицы Анны Колтовской, постриженной в монахини.

Грозный наконец стал оказывать покровительство сиротам погибшего Ивана Шуйского. Он принял их к себе на службу в «удел». В дни похода Иванца Московского в 1576 г. Василий и Андрей Шуйские исполняли должность оруженосцев, а также должны были «в стану у государя спать и у ночных сторож в головах им же быти». Василий числился главным рындой у царя, Андрей – старшим оруженосцем при особе наследника.

Под видом передачи трона Симеону Грозный попытался возродить в стране опричные порядки. Знать была встревожена. Стремясь успокоить недовольных, самодержец поставил во главе «удельной» думы князя Ивана Петровича Шуйского. Вместе с ним на «дворовой» службе до последних дней жизни Ивана IV служил князь Василий Федорович Скопин-Шуйский.

Василий Шуйский с двумя братьями сопровождали самодержца в ливонском походе 1579 г. в качестве рынд при двух саадаках и царском копье. Участие в боевых действиях таило угрозу для жизни дворянина. 25 апреля 1580 г. князь Василий пожертвовал 30 рублей в Тро-

ице-Сергиев монастырь. Вклад свидетельствовал о том, что из всех братьев самым осторожным был Василий. В 1581 г. Василий и Андрей Шуйские были посланы на южную границу. Василий был назначен воеводой большого полка, а его брат – воеводой правой руки. Подчиненные им силы были совсем невелики. Служилый князь Михаил Одоевский был задет тем, что попал в подчинение Василию Шуйскому, и заспорил с ним о местах. Главные бояре решили дело в пользу Шуйского. Суд выяснил любопытные подробности.

Оказалось, что воевода Иван Петрович Шуйский уступал «по счету в родстве» князю Василию и князю Андрею.

В конце Ливонской войны Шуйские добились исключительных успехов на военном поприще. В 1581 г. польский король Стефан Баторий осадил Псков. Оборону крепости возглавил «дворовый» боярин князь Иван Петрович Шуйский.

Под Псковом Баторий потерпел самую крупную неудачу в войне с Россией. Псков стал бастионом, о который разбилась волна неприятельского нашествия. Заслуги Шуйского получили всеобщее признание. Фактически он спас Россию от полного поражения в Ливонской войне.

На поле боя отличился также и князь Андрей Шуйский. Речь Посполитая заключила мир с Россией, Швеция продолжала войну. Шведы осадили Орешек в истоках Невы и 8 октября 1582 г. пошли на приступ, но были отбиты.

Неделю спустя воевода Андрей Шуйский пробился в крепость с подкреплениями. Он руководил гарнизоном при отражении второго штурма. Шведы понесли большие потери и отступили.

Князь Василий не блистал на поле брани. Но это не повлияло на его дальнейшую карьеру. Успех объяснялся его исключительной знатностью. В апреле 1583 г. Василий получил пост в армии Мстиславского, выступившей против татар. Он возглавил полк правой руки, то есть был вторым лицом после главнокомандующего.

Гибель наследника престола царевича Ивана от руки отца породила глубокий династический кризис. Царевич Федор отличался плохим здоровьем и не имел детей. Он был слабоумным, и даже исполнение придворных церемоний давалось ему с трудом. Многие с полным основанием сомневались, что новый наследник способен управлять страной в обстановке военного поражения и разрухи. Чтобы преодолеть кризис, Иван IV прибегнул к обычной для него политической игре. Он объявил Боярской думе, что намерен покинуть трон и уйти в монастырь.

Папский легат Антонио Поссевино собрал важные сведения об этом эпизоде в дни посещения Москвы в феврале 1582 г. По его свидетельству, государь обратился с длинной речью к Боярской думе. Не вдаваясь в подробности, он заявил, что наследник умер и это произошло из-за его грехов. Некоторые обстоятельства, продолжал он, дают повод сомневаться, будет ли власть прочной, если она перейдет к младшему сыну Федору. Ввиду этого монарх потребовал от бояр, чтобы те подумали, кто из наиболее знатных людей в царстве мог бы занять место государя.

За время своего бурного правления Грозный дважды отрекался от трона. Наконец он отрекся в третий раз, на этот раз от имени своего слабоумного сына.

Бояре, передает итальянец, прекрасно понимали, что в случае, если бы кто-нибудь высказался в пользу другого претендента, он был бы немедленно уничтожен со всеми своими сторонниками. Понятно, что никто из членов думы не осмелился выразить вслух недоверие Федору. Напротив, дума должна была просить самодержца официально назначить Федора своим приемником.

Но мнительного монарха продолжали мучить подозрения, и он с беспокойством следил за поведением самых знатных из своих вассалов. Вновь его взор обратился в сторону суздальской знати.

В 1582–1583 гг. Грозный приказал арестовать Василия Шуйского. Невозможно сказать, что послужило поводом для ареста. Видимо, молодой аристократ обратил на себя внимание царя честолюбием, изворотливостью и умом.

Василий некоторое время содержался под стражей, а потом был освобожден. Царь решил сделать заложниками всех членов семьи. Князь Василий был выдан на поруки четырем младшим братьям. Никто из пяти братьев Шуйских не получил боярского чина, пока был жив Иван Васильевич.

Смертельно заболев, Иван IV распорядился учредить при сыне Федоре опекунский совет. Царевич Федор давно достиг совершеннолетия, но из-за полного умственного убожества он не мог править государством.

Всю жизнь Грозный враждовал со знатью. Но это не помешало ему назначить первым регентом удельного князя Ивана Мстиславского, который 13 лет возглавлял земскую думу. Царь не раз обличал его как изменника и колотил палкой. Обладая огромным политическим опытом, самодержец понимал, что только при поддержке думы его недееспособный сын может удержать на голове корону. Вместе с Мстиславским опекунами стали два наиболее авторитетных руководителя Боярской думы – прославленный воевода Шуйский, принятый царем на «дворовую» службу, и земский боярин и дворецкий Никита Романов.

До конца жизни самодержец так и не решился искоренить опричные порядки, обеспечивавшие ему неограниченную власть. Последышем ненавистной опричнины был «двор». Его возглавляли Афанасий Нагой, Борис Годунов и Богдан Вельский. Брак царя с племянницей Нагого доказывал, что среди «дворовых» людей Афанасий пользовался наибольшим влиянием.

Близившаяся кончина Грозного посеяла глубокий раздор среди высших «дворовых» чинов. Вышло так, что самодержцу пришлось исключить из опекунского совета двух главных любимцев – Афанасия Нагого и Бориса Годунова.

Нагие ликовали, когда у царицы Марии Нагой родился сын Дмитрий. Царевич рос нормальным ребенком, что давало ему бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия. Он негодовал на царя, искавшего себе невесту в Англии. Самодержец пообещал англичанам удалить в монастырь царицу Марию. Грозный понимал, какую опасность для законного наследника Федора таят замыслы Нагих, и не допустил их в регентский совет.

В браке с Ириной Годуновой у царя Федора не было детей. По этой причине старшая, законная ветвь династии Калиты обречена была на исчезновение. Иван IV винил в бесплодии невестку и намеревался развести ее с сыном.

Влияние Бориса Годунова зиждилось на родстве с Федором. Естественно, что он должен был всеми силами противиться разводу сестры. Сказанное объясняет, почему Грозный не включил Бориса в регентский совет.

Атмосфера дворца была отравлена смертельной враждой. Придворные отчетливо сознавали, что исключение из состава опекунского совета грозит им утратой власти, тюрьмой и плахой.

Мятеж

Смерть Грозного 19 марта 1584 г. положила начало боярскому правлению в России.

События, последовавшие за кончиной царя, показали, что террор придавил родовую аристократию, но не сломил ее могущества. Поначалу власть сосредоточилась в руках самого незнатного из регентов, бывшего опричника Богдана Бельского. Он опирался на военную силу, прежде всего на стрелецкий гарнизон Кремля. Его главным соперником был регент князь Иван Петрович Шуйский. В столице толковали о том, что Бельский послал слуг, чтобы перехватить и убить Шуйского. Регент находился в Пскове и спешно выехал в столицу.

Со своей стороны, князья Шуйские торопили события, стремясь отеснить от кормила власти бывшего опричного временщика.

Среди противников Бельского выделялся характером и дерзостью земский казначей Петр Головин. Не теряя времени, он затеял местническую тяжбу с Бельским. Боярин Иван Петрович Шуйский не успел вернуться в Москву, а это значит, что казначея подтолкнули к решительным действиям Василий Шуйский с братьями.

Тяжба вызвала распри. На стороне Головина выступили вместе с Шуйскими князь Мстиславский с сыном, князья Голицыны. Их поддержал боярин Никита Романов, не раз подвергавшийся преследованиям со стороны опричников.

За Бельского вступились «дворовые» чины – Трубецкие и Годуновы. Из земских думных людей в поддержку Бельского выступил один лишь дьяк Андрей Щелкалов.

Местнический спор затянулся. Земские дворяне, собравшиеся во дворце, проявляли нетерпение. Во время «преки» в думе они набросились на Бельского с таким остервенением, что тот, спасая жизнь, «утек к царе назад» и укрылся в царских хоромаш.

Столкнувшись с «крамолой», Бельский решил действовать, не дожидаясь прибытия в столицу Ивана Шуйского.

Он обратился к «дворовым» стрельцам с речью. Временщик тайно обещал им великое жалованье, убеждал не бояться бояр и выполнять только его приказы.

Великие бояре разъехались по своим дворам на обед.

Бельский тем временем велел затворить все ворота и попытался уговорить Федора держать двор и опричнину так, как держал отец его. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но в дело вмешался народ.

Прослышав о затее Бельского, регенты Мстиславский и Романов поспешили в Кремль, взяв с собой вооруженную свиту. После переговоров Бельский согласился пустить двух бояр внутрь замка, но калитка захлопнулась перед их вооруженными холопами.

Подождав некоторое время, боярские слуги попытались силой пробиться в Кремль. В это время по улицам столицы проскакал молодой сын боярский с криками: «Бояр Годуновы побивают!»

На Красной площади начала собираться толпа. К черни, как свидетельствует летописец, присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикины «и иных городов дети боярские».

В источниках имеется прямое указание на то, что мятежные дворяне действовали «по заводу» Шуйских. «Дети боярские на конех, – записал современник, – многие из луков на город стреляли».

Восставшие пытались разбить Фроловские ворота Кремля и повернули большую пушку, стоявшую на Лобном месте, в сторону замка. Народ требовал выдать на расправу любимцев Грозного – Бельского и Годунова. Дело приобрело серьезный оборот. Стрельцы попытались залпами рассеять толпу. В результате побоища на площади осталось лежать до 20 человек убитых. Примерно 100 человек было ранено.

Положение стало критическим, и после совещания во Дворце народу объявили об отставке Бельского. Попытка ввести опричнину провалилась. «Бояре, – повествует летописец, – межю собою помирились в городе (Кремле) и выехали во Фроловские ворота». Временщик был лишен всех титулов и отправлен в ссылку в деревню.

В боярском чине

Смерть Ивана Грозного стала важнейшей вехой в жизни князя Василия Шуйского. Родовая аристократия не скрывала своей радости по поводу кончины великого государя. Дьяк Иван Тимофеев яркими красками описал настроения, воцарившиеся в Кремле в то время. «Бояре, – писал он, – долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...» Знать не скрывала своего отношения к Федору Ивановичу. «Русские на своем языке называют его дураком», – говорил шведский король Юхан III в речи к риксдагу.

В мае 1584 г. князь Василий Шуйский добился заветной цели. Еще до коронации нового царя он получил боярский чин и вошел в Боярскую думу. Менее чем через год боярином стал его брат князь Андрей. К весне 1586 г. боярством был пожалован из кравчих Дмитрий Шуйский.

31 мая бояре и митрополит Дионисий короновали Федора в Успенском соборе. Опираясь на вековую традицию, Боярская дума вернула себе прерогативы, утраченные ею в опричнину.

По случаю коронации власти объявили общую амнистию. «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет, – писал Джером Горсей, – получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались, и их вина прощалась». Горсей наблюдал перемены своими глазами. В его рассказе особого внимания заслуживает упоминание о давних тюремных сидельцах. Несложный арифметический расчет показывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Царь Иван пытался примириться с убиенными, но прощать оставшихся в живых изменников он и не думал. Самым важным положением амнистии был пункт о возвращении земель знатным лицам, получившим свободу. Путь к возрождению родового княжеского землевладения был открыт.

Шуйские использовали благоприятную ситуацию, чтобы расширить свои вотчины. После казни Александра Горбатого его богатейшая вотчина – село Лопатниче со множеством приделов и деревень – была конфискована. Царь специально упомянул о ней в своем завещании, приказав передать вотчину царевичу Федору. Шуйские далеко разошлись в колене с князьями Суздальскими. Тем не менее регент князь Иван Шуйский получил из казны вотчину Горбатого. Он завладел также богатыми землями, принадлежавшими прежде удельному князю Ивану Бельскому. В его руки перешел город Кинешма с обширной волостью. В качестве кормления воевода получил Псков «со псковскими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего никому боярину не даывал государь». Псков был одним из самых богатых торговых городов России, и в распоряжение регента поступили огромные средства.

Источники не сохранили сведений о земельных приобретениях Василия Шуйского. Они были очень велики, судя по тому, что его младший брат Дмитрий получил вместе с чином кравчего «в путь» город Гороховец со всеми доходами. Боярин Василий Скопин-Шуйский удостоился «великого государева жалованья». Ему был отдан в кормление Каргополь.

Иван Грозный возвысил знать литовского происхождения, чтобы ограничить влияние своей братии – древней суздальской аристократии. После его смерти суздальские князья использовали местничество, чтобы вернуть себе былое величие. Князь Василий Шуйский в декабре 1584 г. затеял тяжбу с главой думы, удельным князем Федором Мстиславским, и с князем Тимофеем Трубецким.

Царствование Федора Ивановича началось неладно.

Волнения в Москве улеглись, но участились разбойные нападения и пожары. Город был наводнен разбойниками, которых считали главными виновниками поджогов. 10 июля 1584 г. польский посол писал из Москвы, что разногласиям и постоянным междоусобиям у москвитов нет конца: «...вот и сегодня я слышал, что между ними возникали большие споры, которые едва не вылились во взаимное убийство и пролитие крови».

Царь Федор отличался слабым телосложением и казался недолговечным. В 1585 г. он тяжело заболел. Его кончины ждали со дня на день. В такой ситуации Борис Годунов затеял тайные переговоры с австрийским двором о браке царицы Ирины с австрийским принцем. Дело кончилось неслыханным скандалом: царь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку.

Князь Василий Шуйский с братьями воспользовались промахом Годунова и выступили с нападка на правителя в Боярской думе. Инициаторы интриги вынуждены были оправдываться. «И мы то ставим в великое удивленье, што такие слова злодейские (о сватовстве к «цесареву брату». – Р.С.) нехто затеял злодеи и изменники», – заявили они. Федор был оскорблен до глубины души.

Осенью 1585 г. Годунов обратился с тайным ходатайством к английскому двору. Он просил в случае беды предоставить его семье убежище в Англии.

Шуйские добились устранения Бельского, и теперь наступила очередь другого опричного временщика – Годунова. Планы бегства за рубеж свидетельствуют о том, что Борис утратил поддержку Боярской думы.

Кризис власти вновь выдвинул бояр Шуйских на политическую авансцену, как это случилось после смерти Василия III. Князь Василий и его родня как никогда были близки к тому, чтобы захватить власть в государстве. Боярская дума была на их стороне.

По словам летописца, бояре «разделяхуся надвое: Борис Федорович Годунов с дядьями и з братьями, к нему же присташа и иные бояре и дьяки, и думные, и служивые многие люди; з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, и Воротынские, и Головины, и Колычевы, и иные служивые люди, и чернь московская». Против Годунова объединились старшие бояре думы, многие дворяне и дети боярские, приказные чины и столичный народ – «чернь».

Летописец не упомянул о Романовых. После отставки регента Бельского большим влиянием при дворе Федора стал пользоваться его дядя, боярин Никита Романов. Знатностью Романовы далеко превосходили Годуновых, но в глазах Рюриковичей Шуйских и Гедиминовичей Мстиславских они были худородными выскочками. Аристократическая реакция грозила покончить с высоким положением этой семьи. Неудивительно, что Романову пришлось искать поддержки у «дворовых» бояр Годуновых. Родня Федора должна была объединиться перед лицом общей опасности. Благодаря Романову Борис Годунов получил по случаю царской коронации высший боярский чин конюшего и вошел в опекунский совет.

Однако Никита Романович вскоре тяжело заболел. Положение Годунова осложнилось.

Казначей Петр Головин добился устранения Бельского. Его подвиг был вознагражден. При коронации Федора он нес перед царем шапку Мономаха. Чувствуя поддержку думы, Головин стал обращаться с царским шурином Борисом дерзко и неуважительно. Если бы Головин затеял местническую тяжбу с Годуновым, он выиграл бы ее.

Интрига встревожила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. Ему удалось добиться решения о ревизии казны. Проверка обнаружила столь большие хищения, что боярский суд приговорил Головина к смерти. Казнь была отменена в самый последний момент.

Распри в Кремле множились день ото дня. В былые времена Грозный неоднократно принуждал главу думы Мстиславского к публичным покаяниям. При Федоре на его голову посыпались новые обвинения. Главный боярин якобы поддался уговорам Шуйских и замыслил призвать Годунова в свой дом на пир и там убить.

Конечно, Мстиславский и Шуйский имели возможность бороться с Борисом, не составляя заговора.

В Боярской думе зрели планы развода царицы Ирины с государем, и в качестве царской невесты называли дочь Мстиславского. Посольский приказ выступил со специальным заявлением о том, что девица Мстиславская выдана замуж за князя Василия Черкасского. В русской дипломатической практике разъяснения по поводу браков в боярской среде были случаем из ряда вон выходящим. Дело было в том, что девица Мстиславская метила в жены царю.

Окружение царя Федора усмотрело в действиях главы думы измену и предложило ему подать в отставку и уйти в монастырь. Иван Мстиславский доводился государю троюродным братом, и ссора была улажена чисто семейными средствами. Первый боярин думы был принужден сложить регентские полномочия и постричься в монахи в далеком Кирилло-Белозерском монастыре. Согласие боярина на изгнание избавило от опалы членов его семьи.

Каждый шаг Годунова приближал торжество Шуйских.

Тяжелая болезнь Никиты Романова и отставка Мстиславского подкрепили их уверенность в том, что они господа положения.

В глазах князя Василия Шуйского отъезд Бориса и его семьи в Лондон представлялся лучшим выходом из создавшейся ситуации.

Царская опала

В конце апреля 1586 г. регент Никита Романов-Юрьев умер. Последовавшее затем народное возмущение возвысило Шуйских и едва не погубило Годуновых. Царские дипломаты поспешили выступить за рубежом с категорическим опровержением слухов о том, что московские правители «в Кремле-городе, в осаде сидели». «Того не бывало, – заявили послы, – то некто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведетца для всякого береженья». Дипломаты говорили неправду. Летописи и монастырские записи не оставляют сомнений на этот счет. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной определенностью.

В середине мая 1586 г. монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видно, монастырские слуги в дни осады охраняли кремлевские стены вместе со стрельцами.

Летописи позволяют заключить, что внезапно вспыхнувшее возмущение застало правителей врасплох. Народ – «московских людей множество» – ворвался в Кремль и заградил площадь перед Грановитой палатой. Толпа требовала выдачи Бориса. Москвичи, повествует летописец, хотели побить камнями «без милости» всех Годуновых разом. Борис бессилен был защитить себя и своих близких.

Но разбушевавшаяся народная стихия ошеломила власть имущих. Бояре старались любой ценой успокоить чернь и удалить ее из Кремля. Ради достижения этой цели им пришлось помириться между собой. Роль мировых посредников взяли на себя прославленный воевода Иван Шуйский и митрополит Дионисий.

От имени всех бояр регент Иван Шуйский заверил народ в том, что «им на Бориса нет гнева», что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя».

Шуйские имели возможность расправиться с Годуновыми, натравив на них толпу. Поведение народа не оставляет в том сомнения. Двое «торговых мужиков» – вожаки толпы – в запальчивости начали было спорить с боярином. «Помирились вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть да и нам погинуть».

Но Шуйским были чужды методы опричнины. Прибегать к незаконным мерам такого рода было не в правилах регента.

Момент был упущен, и настроение толпы переменилось. Как только народ покинул Кремль, бояре немедленно затворили все ворота, расставили стрельцов на стенах и окружили многочисленной стражей Государев двор. Началось известное по дипломатическим документам «сидение» в Кремле в осаде.

Люди Бориса позаботились о том, чтобы с наступлением ночи захватить двух купцов-смутьянов, перечивших Шуйскому. Они были немедленно сосланы «безвестно, неведомо куды».

Судьба Годуновых, казалось, висела на волоске. Борис все больше утверждался в намерении искать спасения за рубежом. Лагерь его сторонников таял на глазах.

Знать спешила использовать ничем не прикрытое поражение Бориса, чтобы окончательно избавиться от него.

Шуйские инспирировали новое выступление земщины против Годуновых. Как русские, так и иностранные источники совершенно различного происхождения одинаково свидетельствуют о том, что оппозиция пыталась принудить царя к разводу и тем нанести смертельный удар влиянию Бориса.

Согласно летописи, митрополит, большие бояре, столичные гости просили Федора «вся земля царские державы своея пожаловати, прияти бы ему второй брак, а царицу первого брака Ирину Федоровну пожаловати отпустить во иноческий чин и брак учинити ему царьскаго ради чадородия».

Боярская дума, записал шведский агент Петр Петрей, имела обычай разводить великих князей с бездетными женами. Московские власти и простой народ намеревались отправить в монастырь великую княгиню. Но Борис расстроил эти замыслы.

Осведомленный московский дьяк Иван Тимофеев подтверждает шведскую версию. В обычных для него витиеватых выражениях он повествует о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц – дочерей первых после царя бояр, «яко да не понудится некими царь принять едину от них второбрачием в жену неплодства ради сестры его» (сестры Бориса Годунова – царицы Ирины).

Главные бояре созвали «совет», который выразил мнение «всей земли». На соборе присутствовали представители «от больших бояр и от вельмож царевы полаты», от столичного народа – большие московские гости. Участие народных представителей придало собору земский характер. Земский собор выработал письменный документ – приговор. Члены собора скрепили его подписями – «рукописанием».

Земцы явились во дворец и подали Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин».

Думская оппозиция чувствовала себя достаточно сильной, чтобы действовать открыто. Ее ходатайство преследовало верноподданнические цели: бояре старались не допустить пресечения законной династии и следовали воле Грозного. Члены собора строго придерживались московских традиций, согласно которым бесплодие жены считалось достаточной причиной для развода. Под таким предлогом Василий III отправил в монастырь жену Соломону Сабурову. Иван IV постриг двух своих жен по той же причине.

Последовавшие за демаршем репрессии позволяют установить круг лиц, участвовавших в соборном постановлении. То были бояре Иван Петрович Шуйский, Василий, Андрей и Дмитрий Шуйские, Василий Скопин-Шуйский, боярин князь Петр Татев-Стародубский, боярин Федор Шереметев, воевода Иван Крюк-Колычев. Шведский агент Петрей упомянул о том, что бояре выбрали «сестру князя Флора Ивановича Мстиславского, родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и хотели ее выдать замуж» за царя Федора. Позиция главы думы имела существенное значение.

Записки английского посла Джильса Флетчера дают полное представление о первых лицах думы. О Федоре Мстиславском и Василии Скопине посол дал убийственный отзыв. Они «более знатны родом, нежели замечательны по уму, и потому, сколько можно судить, назначены (в Боярскую думу) больше для того, чтобы... делать честь своим присутствием, нежели для советов».

Скупой на похвалы, Флетчер выделил среди членов думы князей Василия и Андрея Шуйских. Первый «почитается умнее своих прочих однофамильцев», второй «почитался за человека чрезвычайно умного». Высокой оценки удостоился также Иван Петрович Шуйский, «человек с большими достоинствами и заслугами». Трое бояр Шуйских, по-видимому, и были вдохновителями интриги.

Хотя оппозиция действовала обдуманно, она тем не менее допустила роковой промах, сбросив со счетов слабоумного царя. Федор давно подчинился авторитету умной Ирины Годуновой и цепко держался за свою семью. Ходатайство чинов было отвергнуто. В молодости Федора угнетал страх перед отцовскими побоями. Но даже своенравному деспоту-отцу не удалось принудить безвольного сына к разводу. Еще меньше шансов на успех имели бояре и митрополит, предпринявшие попытку вмешаться в его семейную жизнь.

Борису Годунову предстояло разрешить неразрешимую задачу. Желая любой ценой сохранить трон за сестрой Ириной и ее потомством, он продолжал зондировать почву относительно брака Ирины с одним из австрийских герцогов.

Противники Бориса не возражали против поисков кандидата на трон за пределами России. Но они ориентировались не на Австрию, а на Речь Посполитую.

Литовский канцлер Лев Сапега в письмах из Москвы сообщал, что знатные московские бояре являются сторонниками короля Батория. Переводчик Посольского приказа Заборовский в 1585 г. подтвердил эту информацию и дополнил ее важными подробностями. Он тайно уведомил Батория о том, что пропольскую партию в Москве возглавляют Шуйские, которые «очень преданы королю и все надежды возлагают на то, что своими владениями, как бы «отцы в ореоле», соседствуют с королевскими владениями». Осведомленность чиновника московского дипломатического ведомства не подлежит сомнению.

Австрийский посол Варкоч писал в своем донесении из Москвы в 1589 г.: «Душеприказчики (царя Ивана. – Р.С.) хотели (как ныне заявляет Борис) тайно сговориться с Польшей и включить Россию в ее состав; вообще имеются основательные подозрения, что все это вовсе не выдумки».

Речь шла, конечно же, не о насильственном присоединении России к Речи Посполитой, а о заключении унии.

Идея унии не была нова для русского общества. Иван Грозный вел длительные переговоры с польскими дипломатами о соединении России и Польши под властью единой династии.

Шуйские выдвинули проект унии вследствие нескольких причин.

Король Баторий завершал подготовку к новому вторжению в пределы России. Переговоры об унии должны были снять угрозу немедленного нападения извне.

Шуйским и прочей знати импонировали политические порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов и устанавливавшие принцип выборности монарха. Бояре не прочь были распространить подобные порядки на Руси и таким путем ограничить самодержавную власть царя.

Уния с Польшей разрешала вопрос о наследнике бездетного царя. Можно поверить тому, что среди высшей знати в Москве было немало сторонников унии. Объяснялось это прежде всего тем, что в московской думе первенствовала аристократия литовского происхождения.

Дипломатические переговоры, затеянные Шуйскими, не были секретом для главы Посольского приказа канцлера Щелкалова и Бориса Годунова. Не предпринимая никаких официальных шагов, они обдумывали свой вариант действий. В тайной беседе с толмачом приказа Заборовским Щелкалов говорил, что уния с Речью Посполитой приемлема при обязательном условии брака Батория с вдовой царя Федора. «Если у него (Батория. – Р.С.) королева уйдет из этой жизни, так что он мог бы жениться на нашей великой княгине, – говорил дьяк, – то мы сделали бы это очень охотно». Предложение насчет брака было не более чем дипломатической уловкой, поскольку и королева, и царь Федор были живы. Существенно, что предложенная канцлером комбинация устраняла возможность передачи трона царевичу Дмитрию и сохранения у власти династии Калиты.

В Речи Посполитой знали о пропольских симпатиях великих бояр и невольно преувеличивали их значение. В переписке Стефана Батория с иезуитом Поссевино можно встретить утверждения о том, что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут лишь польской помощи.

Литовские дипломаты, ездившие в Россию, своими глазами видели, что в думе царит раздор, а народ склонен к мятежам. Их наблюдения находили подтверждение в заявлениях московских беглецов. Эти последние советовали королю не терять времени. Один из них, Михаил Головин, заявил Баторию: «Где [король] не придет, тут все его будет; никто... против его руки не подымет» из-за розни великой в боярах: «для розни и нестроения служить и битися никто не хочет».

В конце 1586 г. в Польше начал работу сейм, который должен был обсудить и конкретизировать планы вторжения в Россию. Князь Иван Шуйский стремился предотвратить нашествие, для чего все средства, включая тайные переговоры, были хороши.

Борис вел в строжайшей тайне переговоры с Габсбургами. Шуйские также использовали методы тайной дипломатии, и Годунов бросил им прямое обвинение в изменнических связях с литовцами. Если верить донесениям литовской секретной службы, глубокой осенью 1586 г. правитель заявил в думе, что Андрей Шуйский ездил под видом охоты на границу и встречался там с литовскими панами. По слухам, боярину удалось оправдаться. Но разбирательство в думе будто бы закончилось тем, что Годунов и Шуйский подрались и ранили друг друга.

Осведомленные наблюдатели утверждали, что недовольные организовали форменный заговор против Бориса. Австрийский посол Варкоч узнал о нем из уст самого Годунова. В отчете о беседе Варкоч писал: «Душеприказчики (царя Ивана. – Р.С.) приобрели себе много тайных сообщников, особенно из горожан и купцов, для того чтобы внезапно напасть на Бориса и всех тех, кто стоит им поперек дороги, убрать их, а в дальнейшем править по своей воле».

Правитель знал о планах заговорщиков. Но он не в состоянии был помешать их действиям и, по словам Горсея, довольствовался тем, что окружил себя многочисленной охраной.

В последних числах декабря 1586 г. в пограничную литовскую крепость Витебск поступили сведения о крупных беспорядках в русской столице. Местный воевода направил своему правительству два письма с информацией об этих событиях. В первом письме он сообщал, что зачинщиком беспорядков был Андрей Шуйский, которому удалось договориться со Щелкаловым. Во втором письме имя Щелкалова не фигурировало. Согласно последней версии, во время нападения Шуйского на двор Годунова погибли сам Борис и другой большой боярин, было перебито 80 человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.